

М.Г. Павловец, Т.В.Павловец

История создания «Тихого Дона»

Роман-эпопея «Тихий Дон» — великое произведение и великая загадка XX века. К сожалению, первое часто опускается при упоминании имени автора, а вот страшный упрек в плагиате всплывает моментально. И увы, многие работы даже талантливых литературоведов посвящены не раскрытию своеобразия и образности языка шолоховского произведения (заслуживающих пристального внимания и изучения), а именно защите или обвинению автора «Тихого Дона». Однако вслед за одним из его глубоких почитателей мы говорим:

«...если, предположим, было совершено литературное преступление, то, как при любом преступлении, должны остаться хоть какие-то следы, какие-то доказательства — либо косвенные, либо прямые, как говорят криминалисты, вещдоки. То есть рукописи» (*Лев Колодный*).

Итак, пойдём по следам «Тихого Дона», по следам Михаила Шолохова. Выяснение истории создания романа (по письмам, рукописям, воспоминаниям друзей и врагов писателя, его собственным автографам) становится делом почти детективным.

Первое упоминание о рукописи начальной книги «Тихого Дона» относится к 1927 году, когда Шолохов, приезжая в Москву, читал своим друзьям в доме у Василия Кудашева некоторые главы романа:

«...после чаепития начиналось самое главное, ради чего собрались. Шолохов, изредка попыхивая трубкой, читал нам первую книгу романа прямо с рукописи, написанной на листах линованной бумаги четким, аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Мы слушали, очарованные родниковой свежестью языка, картинками и событиями, которые разворачивались в повествовании» (*Михаил Величко*).

Недавно издан большой фотоальбом «Шолохов», где помещены двенадцать фотографий писателей, представленных в такой последовательности: Горький, Серафимович, Маяковский, Блок, Есенин, Бедный, Фурманов, Асеев, Тихонов... По всей вероятности, эти снимки классиков должны представлять литературное окружение молодого писателя, тех, кто как-то влиял на формирование его таланта. Однако достоверно известно, что все эти писатели и поэты, с творчеством которых он, безусловно, был знаком и восхищался, не входили в непосредственное литературное окружение Шолохова. С Горьким он познакомился лично только в 1930-х, Серафимович узнал о существовании «Тихого Дона», только когда увидел на редакторском столе рукопись первой книги...

У истоков эпопеи стояли совсем другие люди, именно их воспоминания особенно ценны. Это Василий Кудашев (лучший друг Шолохова, погиб в 1941), Колосов, Шубин, Тришин, Величко, Сажин, Ряховский, Стальский, Молчанов... Их мало кто знает, читает. Но именно они могли бы дать убедительные показания в пользу автора рукописи, прочитанной им в памятном 1927 году. Именно они были свидетелями только зарождавшегося замысла автора:

«В 1925 году осенью стал было писать «Тихий Дон», но, после того как написал 3–4 печатных листа, бросил... Показалось — не под силу... Начал первоначально с 1917 года, с похода на Петроград генерала Корнилова. Через год взялся снова...» (*М. Шолохов*).

Необходимо небольшое уточнение: первоначальный замысел охватывал только корниловский мятеж и назывался «Донщина», однако объяснить причины неудачи восстания без предыстории казачества действительно оказалось «не под силу» правдивому летописцу Шолохову:

«Тришин, у которого были друзья, имевшие доступ к эмигрантской литературе, добывал ему книги казаков, изданные за границей, записки генералов и атаманов, дневники... в которых офицеры признавались в крахе белого движения, с уничтожающей критикой обрушивались на вождей Добровольческой армии, разоблачали их бездарность и корыстолюбие. Михаил Александрович делился со своими друзьями замыслом романа, советовался, как справиться с бесчисленными трудностями» (*Н. Стальский*).

Это, пожалуй, одно из самых важных свидетельств в защиту авторства Шолохова, ведь одним из основных доказательств-претензий было убеждение, что двадцатитрехлетний писатель не мог овладеть самим материалом, положенным в основу событий «Тихого Дона».

Тем не менее первая книга увидела свет на страницах журнала «Октябрь» в 1927 году (правда, для этого понадобилось вмешательство номинального редактора журнала Серафимовича, который, хвала случаю, сумел распознать в книге на никого не интересующую в то время тему великое произведение).

Немного позже, в 1928 году, с рукописью романа и его автором познакомится и Евгения Григорьевна Левицкая — тогда библиограф издательства МК ВКП(б) «Московский рабочий». Она вспоминала:

«Удивительный образный язык, меткие характеристики людей, как живые вставали их образы со страниц этой неожиданной рукописи. До глубокой ночи я не могла оторваться от чтения — пока не закончила всю рукопись».

Именно Левицкой было суждено стать верным другом и помощником Шолохова на долгие годы, именно она первой встала на защиту молодого автора сразу после выхода в свет первой книги романа:

«Боже мой, какая поднялась вакханалия клеветы и измышлений по поводу “Тихого Дона” и по адресу автора! С серьезными лицами, таинственно понижая голос, люди как будто бы вполне “приличные” — писатели, критики, не говоря уж об обывательской публике, передавали “достоверные” истории: Шолохов, мол, украл рукопись у какого-то белого офицера — мать офицера, по одной версии, приходила в газ. “Правда” или ЦК, или в РАПП и просила защиты прав ее сына, написавшего такую замечательную книгу... Бедный автор, которому в 1928 г. едва исполнилось 23 года! Сколько нужно было мужества, сколько уверенности в своей силе и в своем писательском таланте, чтобы стойко переносить все пошлости, все ехидные советы и “дружеские” указания “маститых” писателей» (*Е. Г. Левицкая*).

Левицкая вычислила источник образования сплетен: первый камень в Шолохова бросил его же первый редактор Ф. Березовский:

«Я старый писатель, но такой книги, как “Тихий Дон”, не мог бы написать...»

Тучи над Шолоховым сгущались, и группе уважаемых писателей (Серафимович, Фадеев, Ставский и др.) пришлось даже выступить с весьма резким письмом в редакцию.

В 1928 году в журнале «Октябрь» печатается вторая книга «Тихого Дона», в которую вошли главы отложенной когда-то «Донщины». Спешка с публикацией и «монтаж» старых заготовок, по мнению самого Шолохова, существенно снизили уровень письма. Кроме того, признается автор Левицкой, во второй книге его «душит история». Именно это сомнение писателя отвечает обвинителям, кричащим о смене стиля романа: из-за того, что «история душит», и становится повествование более публицистичным, менее образным. Стремясь к максимально возможной объективности, писатель включает в роман и многочисленные документы, подробные военные сводки (создающие полную картину происходящего), а наряду с вымышленными персонажами вводит в действие реальные исторические лица. Можно ли, однако, за это обвинять Шолохова?

Особенно драматичной оказалась судьба третьей книги романа. Это видно хотя бы из хроники ее публикации (1929, «Октябрь», № 1–3): повествование доходит до гл. XII и после привычного «продолжение следует» вдруг обрывается — без всякого объяснения

со стороны редакции; в 1930–1931 появляются лишь отдельные отрывки из третьей книги, и только в 1932, три года спустя, «Октябрь» без всяких объяснений возобновил публикацию романа, предварительно подвергнув его жесточайшей цензуре (были вырезаны главы, по мнению редакции журнала, крамольные). После угрозы Шолохова забрать роман совсем, некоторые главы были допечатаны, но в каком виде! Набранные очень мелким шрифтом в конце майского номера журнала несколько разрозненных кусков сопровождалось невнятным объяснением, что все это выпало, мол, из публикации по вине типографских рабочих, нечаянно рассыпавших набор. Небывалый случай в журналистской практике!

Что же произошло на самом деле? В центре повествования третьей книги — восстание казаков 1919 года. Оно, как было выяснено Шолоховым, оказалось белым пятном в истории гражданской войны. Как отмечает историк С. Семанов, именно Шолохов первым дает самые точные и полные сведения об этом трагическом событии. Писатель использовал и личные воспоминания, оказавшись невольным свидетелем этой трагедии. Помимо прочих творческих затруднений, вдруг возникают проблемы совсем «нелитературного» свойства.

Редакция «Октября» торопит. Но автор «Тихого Дона» всецело отдается политическим проблемам своих земляков. К молодому писателю (24 года) приходят за советами «дяди», ходатаи, нередко пожилые казаки. Писатель погружается в проблемы коллективизации, или, как теперь принято говорить, «раскрестьянивания», болея душой за своих земляков, «мотается» по станицам, разбираясь со всем на месте. Он пишет полное горечи письмо Левицкой. Оно оказывается настолько важным, что та пересылает (немного снизив тон) копию Сталину. Набирающий силу вождь быстро реагирует на жесткие слова набирающего силу писателя о перегибах при хлебозаготовках. Однако, несмотря на внешне положительный отклик вождя, Шолохову это откровение все-таки повредило.

Он получает письмо от А. Фадеева, который от лица РАППа «советует» писателю немедленно в третьей же книге сделать Григория Мелехова «нашим» («закон художеств. произведения требует такого конца, иначе роман будет объективно реакционным»). Но он же при этом заявляет:

«Ежели Григория теперь помирить с Сов. властью, то это будет фальшиво и неоправданно».

А в конце письма добавляет:

«Сделай его своим, иначе роман угроблен».

В письме Левицкой, жалуясь на отрицательную атмосферу вокруг романа, вовсе не способствующую плодотворному творчеству, Шолохов пишет:

«...Фадеев предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы никак <...> Я предпочту лучше совсем не печатать, нежели делать это помимо своего желания, в ущерб и роману и себе».

Это письмо, кроме прочего, отмечает еще одно обвинение против «лжеписателя»: некоторые литературоведы отмечали, что уж слишком легко соглашался Шолохов с редакционными переделками романа.

И снова поднимается волна слухов вокруг авторства «Тихого Дона». Теперь уже называется и конкретный «автор» украденной рукописи — С. Голоушев. Поводом послужил выход книги «Реквием памяти Л. Андреева», в которой было опубликовано письмо-уведомление С. Голоушева, вспоминавшего, что Леонид Андреев, будучи редактором, забраковал его... «Тихий Дон». Совпадения названий (кстати, словосочетание совсем не редкое для казаков) оказалось вполне достаточным, чтобы неудачные «путевые и бытовые наброски» переросли в двухтомное сочинение. Одновременно Шолохова обвинили в пособничестве кулакам (журнал «Молодая гвардия», статья «Кулак и бедняк в литературе» и статья «Почему Шолохов понравился белогвардейцам?», опубликованная

в новосибирском журнале). Эти пока мелкие обвинения Шолохов рассеивает с легким недоумением:

«Влияние мелкобуржуазной среды сказывается. Я это понимаю и пытаюсь бороться со стихией пацифизма, которая у меня проскальзывает... Трудность еще и в том, что в третьей книге я даю показ Вешенского восстания, еще не освещенного нигде. Прوماхи здесь вполне возможны».

Это была уступка времени (не первая и не последняя в творческой судьбе писателя), так как не надо было быть автором «Тихого Дона», чтобы понять, что основной залп еще не прогремел.

Однако несмотря ни на что работа над книгой продолжалась, Шолохов закончил ее в 1930 году, но тут возникли проблемы с печатанием. Чтобы «протолкнуть» роман, писатель обращается не к кому иному, как к самому Сталину. Решающей оказалась вторая встреча с вождем на даче у М. Горького. Шолохову удалось убедить вождя, что «Тихий Дон» — роман антибелогвардейский, так как заканчивается полным разгромом Добровольческой армии, и Сталин одной фразой подвел итог всему разговору:

«Третью книгу «Тихого Дона» печатать будем!»

Таким образом была решена судьба третьей книги «Тихого Дона», о которой Шолохов сказал:

«Кончил нелепо, на 6 части, не распутав и не развязав всех узлов...

Меня очень прельщает мысль написать еще 4 книгу (благо из нее у меня имеется много кусков, написанных разновременно, под «настроение»), и я, наверное, напишу-таки ее зимою...»

Однако в полной мере планам писателя осуществиться не было суждено. Обстановка в стране, на родной Донщине, да и вокруг самого автора «Тихого Дона» складывалась явно не в пользу литературной деятельности, кроме того, много времени отнимала новая работа («Поднятая целина»). Наступает страшный 1933 год. Писатель сообщает секретарю Вешенского райкома партии Петру Луговому:

«Район идет к катастрофе. Что будет весной, не могу представить даже при наличии своей писательской фантазии. Писать бросил — не до этого».

Шолохову приходится вступить за родной Тихий Дон. Исчерпав все возможности на месте, он пишет письмо о перегибах «неумелых управителей» Сталину.

«Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру. Сталин».

И Шолохов пишет второе письмо, где сообщает нужные сведения. По его просьбе на Дон высылается комиссия, но одновременно Сталин направляет в Вешенскую письмо, где критикует писателя за якобы односторонний подход в оценке ситуации. «Сплошной политикой» пришлось заняться Михаилу Шолохову, отложив в сторону все литературные дела.

Наступил 1934 год. После тяжелейшего 33-го трудности пятого года коллективизации казались мелочью. Именно теперь Шолохов заканчивает четвертую книгу, но, как это бывало уже не раз в его творчестве, решает полностью ее переписать («постиг меня жесточайший припадок самокритики»). Доделать окончательно, однако, смог ее лишь в 1939 году. На пороге был черный 1938 год, против Шолохова замыслили провокацию, причем как на месте (те самые пресловутые «неумелые управители»), так и в Москве, в частности, обиженные на некоторые главы «Тихого Дона» сотрудники наркомата внутренних дел (упомянутый в романе в жестоких страницах о «рассказывании» комиссар Малкин стал влиятельным энкаведешником). Петр Луговой вспоминал:

«В октябре 1938 года я получил анонимку следующего содержания: “Я гражд. хутора Колундаевки Вешенского района арестован органами РО НКВД. При допросе на меня наставляли

наган и требовали написать показание о контрреволюционной деятельности писателя т. Шолохова”».

Такие же письма стал получать и сам Шолохов. Все это вынудило писателя бежать в... Москву. Вместе с ним был его старый друг Иван Погорелов, бывший разведчик, которого также пытались «завербовать» агенты НКВД. Он оказался весьма предусмотрительным. Можно сказать, что благодаря именно ему вышел Шолохов «сухим из воды»: у Погорелова сохранился автограф с адресом, написанный вербовщиком.

Самое удивительное, что в этой грозовой обстановке Шолохов, к тому времени избранный депутатом Верховного Совета СССР, активно заступает за несправедливо осужденных и задержанных: в 1937 году — добивается освобождения руководителей своего Вешенского района. В 1938 — хлопочет о судьбе И. Клейменова (зятя Левицкой) и его жены.

Естественно, что все эти события тормозили работу над романом, поэтому-то заключительная восьмая часть четвертой книги, так всеми ожидаемая, появилась только в 1940 году. Можно только представить себе, как огорошил финал романа «влиятельных читателей», ожидающих, что в конечном счете он выльется в ликующую «сагу революции», явит приход Григория Мелехова к истинному большевизму, возвеличит и подкрепит партийную идею. И если анонимный литературовед D* вместе с А. Солженицыным (с доводами которых мы уже не раз спорили) считают, что четвертая книга «Тихого Дона» почти полностью принадлежит перу «соавтора» (т. е. Шолохова), то не является ли лишним доказательством в пользу истинного автора такая «неожиданная» развязка романа-эпопеи?

На этом, к сожалению (или к счастью?), судьба «Тихого Дона», полная трагических нелепостей, не закончилась. В 1953 году выходит четырехтомник под редакцией К. Потапова, внесшего в роман множество исправлений (ни одна предыдущая редакция и цензура не сможет сравниться с варварскими ножницами Потапова). Все произошло с молчаливого согласия автора (что неоднократно уже вменялось ему в вину). Однако это было время, когда отношения писателя с вождем и главным «критиком» окончательно испортились, а после выхода 12-го тома собрания сочинений Сталина, где содержалось критическое замечание по поводу описываемого в третьей книге Вешенского восстания, «Тихий Дон» долгое время вообще не переиздавали. Шолохову ничего не оставалось, как полностью довериться редактору, пойдя таким образом издательству на уступки. Не искаженный цензорскими и редакторскими вмешательствами полный текст своего произведения Шолохов увидит напечатанным только в 1980 году в собрании сочинений — через пятьдесят лет после его написания и за четыре года до конца жизни.